

РАЗВИТИЕ ПРАВА ИНТЕГРАЦИОННЫХ СООБЩЕСТВ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

КОРОТКИЙ Т.Р.

директор Института национального и международного права Международного гуманитарного университета, доцент кафедры международного права и международных отношений Национального университета «Одесская юридическая академия», к.ю.н.

ОТ «JUS INTER GENTES» К «JUS INTER CIVILISATIONE»

В условиях глобального мира практически единственным эффективным регулятором международных отношений является международное право. Глобализация – ключевое понятие, характеризующее процессы мирового развития в XXI веке. Она заключается в резком расширении и усложнении взаимосвязей и взаимозависимостей народов и государств во всех сферах жизни. Это новое качество социальных связей и общественных процессов. Не явилось исключением и международное право.

Современное международное право в традиционном понимании – это право эпохи интернационализации XX века. Субъектом интернационализации выступали главным образом суверенные государства. Поэтому основа современного международного права – концепция суверенитета.

Глобализация же характеризуется общемировыми процессами, осознанием мира как единого пространства, в котором внутренние события в одном государстве могут оказать воздействие на другие народы и государства. Под влиянием глобализационных процессов (отметим в скобках, что

это не единственная причина указанных далее изменений) международное право эволюционирует как в качественном (изменение сущности, появление новых субъектов, создание системы международного правосудия), так и в количественном (рост числа норм, источников, возникновение новых институтов и отраслей) смысле. Наблюдается возникновение новых, ранее не известных явлений (фрагментация международного права).

Можно констатировать, что традиционные представления о международном праве, как о праве современном (в смысле наименования), устарели. Как указывает В.Г. Буткевич, современное международное право далеко от того, каким понимали его государства-победители, утверждая Устав ООН¹. Необходимо прогнозировать становление нового международного права, международного права XXI века, и выделение в будущем нового периода международного права².

При таком исследовании необходимо учитывать то, что настоящее состояние анализируемого объекта исследования, а в нашем случае им является международное право, предполагает его рассмотрение как такого, у которого есть прошлое, настоящее и будущее. Причем настоящее состояние объекта определяется не только его прошлым, но и ожидаемым (прогнозируемым) будущим³. «Любое современное явление или процесс имеет свои корни в прошлом, которое через отражение в настоящем устремлено в будущее. Поэтому научное исследование правовых явлений и процессов не может ограничить себя их состоянием лишь на данный момент «наличного» существования, поскольку будет утрачена причинно-следственная связь в историческом развитии права»⁴. На этом базовом методологическом постулате и построено настоящее исследование.

1. Как в прошлом, так и в современных взглядах, и в прогнозах на будущее высказываются радикальные взгляды от полного отрицания существования международного права как права межгосударственного (нигилистические концепции)⁵, до превращения его в право надгосударственное⁶. Так, например, В.Л. Рогожин указывает, что международное право в «современ-

¹ Буткевич В.Г., Мицик В.В., Задорожний О.В. Міжнародне право. Основи теорії: Учебник / За ред. В.Г. Буткевича. – К.: Либідь, 2002. – С. 21.

² О прогнозировании в международном праве см. например: Овлащенко А.В. Прогнозирование международно-правового регулирования межгосударственных морских отношений: проблемы теоретического обоснования // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2. – С. 25-30.

³ Кивалова Т.С. Квалификационная работа юриста: методика написания и защиты / Т.С. Кивалова, Т.Р. Короткий, Н.А. Полевой. – Одесса : Фенікс, 2010. – С. 65.

⁴ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д.А. Керимов. – 2-е изд. – М.: Аванта+, 2001. – С. 110.

⁵ См.: Буткевич В.Г., Мицик В.В., Задорожний О.В. Міжнародне право. Основи теорії: Учебник / За ред. В.Г. Буткевича. – К.: Либідь, 2002. – С. 21.

⁶ Это например, «реалистический» подход к международному праву, в рамках которого отдается приоритет национальным интересам и нивелируется роль международного права, снижается роль международных институций.

ной версии...представляет собой своеобразное мифологическое повествование в юридических терминах»¹. Более оптимистическим звучит мнение Комиссии по международному праву ООН в ответ на сомнения относительно существования и действительности международного права, в том числе по причине его фрагментации: «Международное право – это система. Являясь правовой системой, международное право не сводится к хаотической совокупности норм»². Естественно, истина находится где-то посередине, но нельзя не заметить некие тенденции, характерные для развития международной правовой системы. Именно международной правовой системы, а не международного права, системы как многокомпонентного явления, связи между отдельными элементами которой имеют системный характер.

Можно выделить четыре основных компонента системы – нормативный (система международного права); институциональный (международные организации и органы, международные конференции); имплементационный (международные правоотношения, способы реализации норм международного права, международный правопорядок); идеологический компонент (международно-правовые доктрины, международное правосознание, международно-правовая культура)³. По нашему мнению, определяющим для развития международной правовой системы может стать институциональный компонент, через призму которого мы рассмотрим эволюцию международного права.

С анализом содержания и развития институционального компонента международно-правовой системы тесно связан вопрос о субъектах международного права. Сопоставление данных категорий, на наш взгляд, показывает, что категория институционального компонента международно-правовой системы несколько шире, и включает не только совокупность субъектов международного права. Однако, именно субъекты занимают центральное место в международном праве. Сущность международного права, его природа являются производными от природы и сущности субъектов⁴. А эволюция субъектного состава международного права есть суть эволюции самого права. Относительно круга субъектов международного права существовали

¹ Рогожин С.Л. Мифы права. Опыт парадоксального анализа международного публичного права // Московский журнал международного права. – 2003. – № 3. – С. 21.

² Цит. по: Гнаговський М.М., Поединок О.Р. Фрагментація міжнародного права: проблема та можливі шляхи її вирішення / Актуальні проблеми політики : збірник наукових праць. – О. : Фенікс, 2008. – Вип. 34. – С. 321.

³ См. подробнее: Короткий Т.Р. Співвідношення понять «правова система» та «система права» щодо міжнародного права // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – О.: Юридична література, 2007. – Вип. 36. – С. 479-487; Короткий Т.Р., Лядыненко А.П. Поняття і сущність міжнародно-правової системи // Наукові записки Міжнародного гуманітарного університету: Зб. – О.: Міжнар. гуманітар. ун-т, 2008. – Вип. 8. – 49-55.

⁴ Буткевич В.Г., Мицик В.В., Задорожній О.В. Міжнародне право. Основи теорії: Учебник / За ред. В.Г. Буткевича. – К.: Либідь, 2002. – С. 293.

различные точки зрения, особенно в контексте признания/непризнания в качестве субъекта государства/индивида¹, однако, история эволюции субъектного состава² является на наш взгляд объективной, и по нашему убеждению, тесно коррелирует с существенными изменениями в международном праве, что является основанием для его периодизации.

2. Второй тезис, который положен в основу настоящей статьи – взаимосвязь между наиболее разрушительными и бесчеловечными войнами, и переходом международного права на новый уровень, к иной сущности.

Существуют различные периодизации международного права, но наиболее распространенной в отечественной науке международного права является следующая дифференциация периодов:

- предистория международного права (включающая международное право в догосударственный период, международное право в древнем мире, международное право в эпоху средневековья);
- классическое международное право;
- переход к современному международному праву;
- современное международное право³.

Однако, как указано выше, современное международное право «не вечно современное».

Не касаясь достоинств или недостатков такой периодизации, необходимо обратить внимание на роль войн в проявлении в международном праве новых качеств, послуживших обоснованию перехода на иной качественный уровень развития. Отсчет классического международного права связывают, как правило, с окончанием Тридцатилетней войны и заключением Вестфальского мира 1648 г.⁴; отсчет перехода от классического к современному международному праву связывают с окончанием Первой мировой войны; современное международное право связано с созданием ООН и фактически с завершением Второй мировой войны. Несомненно, мировые войны являлись отражением кризиса международных отношений, и вели к формированию новой международной системы.

¹ Буткевич В.Г., Мищик В.В., Задорожний О.В. Міжнародне право. Основи теорії: Учебник / За ред. В.Г. Буткевича. – К.: Либідь, 2002. – С. 296-299.

² Буткевич В.Г., Мищик В.В., Задорожний О.В. Міжнародне право. Основи теорії: Учебник / За ред. В.Г. Буткевича. – К.: Либідь, 2002. – С. 299.

³ Как указывает М.Е. Черкес, само понятие «современное» отрицает стагнацию, означает привязку его каждый раз к новому миропорядку, который устанавливается соответствующим, всегда для своего времени, современным поколением. См.: Черкес М.Ю. Международное право после 11 сентября 2001 г. // Международное право после 11 сентября 2001 года: Сб. науч. статей / Под ред. М.Ф. Орзиха, М.Е. Черкеса. – Библиотека журнала «Юридический вестник». – Одесса: Фенікс, 2004. – С. 6.

⁴ См.: Буткевич В.Г., Мищик В.В., Задорожний О.В. Міжнародне право. Основи теорії: Учебник / За ред. В.Г. Буткевича. – К.: Либідь, 2002. – С. 83-84.

По мнению некоторых авторов, война с международным терроризмом символизирует окончание периода современного международного права и начало его перехода к новому состоянию¹.

Этот переход вполне возможен, исходя из представленных выше тенденций, однако следует заметить, что такой переход скорее состоится после окончания этой войны, которая, по нашему мнению, отображает более глобальные явления. Война с терроризмом, как бы ее ни именовали, является проявлением несовершенства, кризиса современного мироустройства, «острой» реакцией на существующие противоречия, вызванные, в определенной степени, глобализацией. Возникновение международного терроризма является реакцией на противоречия межцивилизационного характера, а его международный характер является проявлением последствий глобализации. Допустимо ли сравнивать войну с международным терроризмом (во всех его разнообразных проявлениях) с мировыми войнами? На наш взгляд – да, и причиной здесь является его масштабность и всепроникаемость, с одной стороны, и асимметричность, с другой, на первый взгляд не позволяющая приравнивать его к классической войне. Но ведь каждая из мировых войн характеризовалась новыми средствами и формами ведения военных действий, их масштабностью, и война с международным терроризмом во многом соответствует этим критериям. Но главное, что отражает эта война – это наличие столкновения между цивилизациями. А поскольку любая война рано или поздно заканчивается миром, то можно прогнозировать наступление определенных изменений в будущем мироустройстве и с ее окончанием.

Таким образом, есть основания говорить о переходе от современного международного права к новому международному праву, праву XXI века. Поэтому имеет смысл попытаться спрогнозировать его характерные черты.

3. Третий тезис – это существование противостояния между цивилизациями², которое ведет к появлению на международной арене иных, возможно виртуальных, акторов³. Однако, совершенно не виртуальными являются проявления международного терроризма, совершенно не виртуальными являются скоординированные на основе общих ценностей действия государств. Этим тенденциям присуща институализация: ведь уже сегодня мы

¹ По мнению М.Ю. Черкеса, современное международное право стоит на пороге движения вспять в результате деструктивного, разрушительного воздействия международного терроризма. Черкес М.Ю. Международное право после 11 сентября 2001 г. // Международное право после 11 сентября 2001 года: Сб. науч. статей / Под ред. М.Ф. Орзиха, М.Е. Черкеса. – Библиотека журнала «Юридический вестник». – Одесса: Фенікс, 2004. – С. 6.

² Л. Заико указывает на наличие центробежных тенденций универсального свойства, которые находят свое выражение в росте противостояния мировых религий: мусульманства и христианства. См.: Заико Л. ЕС и интеграции 21 века – концепт и реалии // <http://liberty-belarus.info>

³ По мнению С.П. Хантингтона, XXI век будет характеризоваться борьбой и конфликтом между различными цивилизациями. См.: Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // www.eastlib.narod.ru/d/huntington.htm

говорим о международной террористической организации; существуют стойкие тенденции объединения государств в международные организации и надгосударственные образования. Классический пример – Европейский Союз, чью основу составляют отнюдь не только экономические интересы (как условие необходимое), но и общие культурные и моральные ценности (как условие достаточное).

Согласно С.П. Хантингтону, основу каждой цивилизации составляет сердцевинное государство, и в основе конфликта между цивилизациями лежит противостояние между этими сердцевинными государствами. По нашему мнению, в ряде случаев, место этих сердцевинных государств займут интеграционные сообщества¹, которые, однако, в значительно большей степени более консервативно и взвешенно будут взаимодействовать с аналогичными институтами и сердцевинными государствами в силу размывания национальных интересов в рамках каждого интеграционного сообщества.

4. Современное международное право, как и современная система защиты прав человека, является продуктом западной цивилизации², которые далеко не всеми «восторженно» воспринимаются. Уже сейчас существуют устойчивые представления о международном праве исламских правоведов. Исламское международное право представляет собой совокупность допустимых исламом норм и обычаев, регулирующих взаимоотношения мусульманских государств и мусульман с немусульманскими государствами, а также с индивидуумами-немусульманами внутри и вне Мира Ислама³.

Институализация «цивилизаций» будет приводить к выработке внутренних, «внутрицивилизационных» правил, расходящихся с теми, которые присущи другим цивилизациям, с одной стороны, и эволюции части международного права в сторону «межцивилизационного права», права, регулирующего отношения между различными цивилизациями. Эти явления будут порождать (и уже порождают в отношении права Европейского Сообщества) фрагментацию международного права, фрагментацию, обусловленную не только усложнением регулируемых отношений, не только специализацией и относительной самодостаточностью отдельных отраслей и режимов, не только возникновением новых и институциональной разобщенностью международных органов⁴, что вполне естественно при усложнении системы, жестко не детерминированной, а различными подходами к регулированию

¹ По мнению Л. Заико, процесс объединения арабских стран может стать центральным событием всего столетия. См.: Заико Л. ЕС и интеграции 21 века – концепт и реалии. – <http://liberty-belarus.info>

² См.: Буткевич В.Г., Мицик В.В., Задорожний О.В. Міжнародне право. Основи теорії: Учебник / За ред. В.Г. Буткевича. – К.: Либідь, 2002. – С. 52.

³ Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. – М.: Междунар. отношения, 2003. – С. 34.

⁴ Явление фрагментации международного права, его причины подробно исследованы в статье Н.Н. Гнатовского и О.Р. Поединок: См.: Гнатовський М.М., Поединок О.Р. Фрагментація між-

международных отношений в рамках одного цивилизационного подхода. Таким образом, со временем основной причиной фрагментации международного права может стать цивилизационный излом.

5. Исходя из указанных выше предпосылок, мы склоны видеть центр наиболее значительных изменений в международной правовой системе в институциональном компоненте. Ведь иной качественный уровень современного международного права проявился в становлении и развитии системы международных организаций, оказывающих значительное влияние на формирование и реализацию международно-правовых норм. От единичных, разрозненных международных организаций произошел переход к универсальной системе международных организаций. Особо хотелось бы отметить развитие системы международного правосудия, основу которой так же составляют международные организации, и становление которой знаменует качественные изменения в международном праве. Уже в настоящее время наблюдаются несколько тенденций.

Во-первых, по-прежнему важное значение имеет сотрудничество в рамках универсальных международных организаций – ООН и системы учреждений ООН. Однако, уже достаточно давно наблюдается кризис системы принятия решений в рамках наиболее влиятельного органа этой организации – Совета Безопасности, а любые попытки его реформировать не приносят успеха. Нам думается, что в обозримом будущем не будет реализован постулат о том, что целью международного права является «исчезновение суверенитета отдельных государств вообще и возникновение мирового государства, обеспеченного законодательными, исполнительными и судебными органами, или – как приближение к такому решению – коренная перестройка ООН в своеобразную мировую федерацию»¹.

На наш взгляд, при широком развитии интеграционных структур компромиссом может быть представительство в СБ ООН (или аналогичном по статусу органе) институциональных образований (естественно, при наличии у них внешнеполитических функций, к чему достаточно последовательно движется Европейский Союз).

Во-вторых, четко выражены интеграционные процессы на основе экономических факторов, которые приводят к формированию устойчивых интеграционных образований², что является проявлением доминирующих центростремительных тенденций мирового развития, и одновременно и ре-

народного права: проблема та можливі шляхи її вирішення // Актуальні проблеми політики. Збірник наукових праць. – Одеса: Фенікс, 2008. – Вип. 34. – С. 314-323.

¹ Manual of Terminology of Public International Law (Law of Peace) and International Organization. Brussels, 1983. P. 17. Цит. по: Буткевич В.Г., Мицик В.В., Задорожній О.В. Міжнародне право. Основи теорії: Учебник / За ред. В.Г. Буткевича. – К.: Либідь, 2002. – С. 21.

² В начале 2000-х, по данным Секретариата Всемирной торговой организации (ВТО), в мире зарегистрировано 214 региональных торговых соглашений интеграционного характера. Международные экономические интеграционные объединения есть во всех регионах Земного шара, в них входят страны с самым разным уровнем развития и социально-

результатом и формой глобализации. Глобализация развивается посредством интеграции¹.

6. Главной причиной современных интеграционных процессов является стремление к повышению экономической эффективности производства, особенно в условиях глобализации, и сама интеграция носит, прежде всего, экономический характер. Фактически, по экономическим причинам происходит частичный отказ от суверенитета в пользу конкурентоспособности национальной экономики при образовании интеграционных объединений².

Можно выделить интеграционные центры, находящиеся на разных этапах интеграции, но имеющие четко выраженный вектор развития. Так, например, Л. Заико выделяет семь вариантов интегративных сообществ: 1. Европейский Союз (Европа); 2. Северная Америка (США–Канада–Мексика); 3. Латиноамериканская интеграция (Венесуэла, Куба как неосоциализм XXI века); 4. Евразийское сообщество (Россия, Казахстан, постсоветские страны); 5. АТР (Китай, Австралия, Новая Зеландия); 6. Транс-Африканское экономическое сообщество; 7. Арабское сообщество (Новый нефтяной халифат)³. Можно дискутировать относительно именно такой мировой картины интеграции, однако общие тенденции подмечены верно.

Самые крупные и активные действующие интеграционные блоки – это Европейский Союз, Североамериканская зона свободной торговли⁴ (НАФТА), организация «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) в бассейне Тихого океана. В Южной Америке достаточно крупным интеграционным объединением является МЕРКОСУР⁵.

На постсоветском пространстве возник ряд интеграционных образований: Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Единое экономическое пространство (ЕЭП), Союзное государство и др.⁶ Не все они проявили эффективность,

экономическим строем // http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/EKONOMICHESKAYA_INTEGRATSIYA.html

¹ Заико Л. ЕС и интеграции 21 века – концепт и реалии // <http://liberty-belarus.info>

² http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/EKONOMICHESKAYA_INTEGRATSIYA.html

³ Заико Л. ЕС и интеграции 21 века – концепт и реалии // <http://liberty-belarus.info>

⁴ 17 декабря 1992 г. было подписано Соглашение между США, Канадой и Мексикой о Североамериканской ассоциации свободной торговли (НАФТА), вступившее в силу 1 января 1994 г. В рамках НАФТА пока не созданы специальные механизмы, регулирующие сотрудничество, аналогичные существующим в ЕС (Комиссия, Суд, Парламент и т.д.). Не исключено, что в процессе сотрудничества появятся иные, чем в ЕС, механизмы.

⁵ Название организации происходит от испанского Mercado Comun del Cono Sur, что в переводе означает «Объединенный Рынок Стран Южного Конуса». В нее входят Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай, а в качестве ассоциированных членов – Чили и Боливия. С 1 января 1995 г. в соответствии с Соглашением Оуро Прето, подписанным в 1994 г., Меркосур перешел на более высокий интеграционный уровень: от зоны свободной торговли к таможенному союзу.

⁶ С одной стороны, это результат реализации на практике концепции «разноскоростной интеграции» государств, которая была выдвинута в рамках СНГ. Однако, с другой стороны, в связи с этим происходит наложение и дублирование различных образований, что в свою

и имеют не вполне понятную перспективу. Однако то, что на их основе возникнет новое интеграционное образование на примере Европейского Союза, бесспорно.

Существует тенденция «пересекающейся интеграции»: одна страна может быть членом сразу нескольких интеграционных блоков. Например, США состоит в НАФТА и в АТЭС, а Россия – в АТЭС и в ЕврАзЭС. Внутри больших блоков сохраняются малые (как Бенилюкс в ЕС). Все это является предпосылкой сближения условий региональных объединений. На эту же перспективу постепенного перерастания региональной интеграции в международную интернационализацию направлены и переговоры между региональными блоками.

Так, в 1990-е был выдвинут проект соглашения о трансатлантической зоне свободной торговли, ТАФТА, которая бы соединила НАФТА и ЕС. США выдвинули идею создания Панамериканской зоны свободной торговли с целью формирования самого крупного в мире общего рынка на базе уже действующих субрегиональных группировок.

7. Экономическая интеграция влечет значительные политические изменения¹. В процессе становления интеграционного объединения наблюдается единство процессов экономического и политического сближения, при котором каждой новой стадии экономического сближения соответствует и новая веха в сближении политическом. Более того, переход от одной стадии экономического сближения к другой между странами попросту невозможен без политического сближения между странами-членами соответствующего объединения. При этом важно подчеркнуть, что указанное сближение выражается не в разовых политических контактах, а в формировании устойчивой политической общности, т.е. группы государств со сходными политическими целями и интересами.

Региональная экономическая интеграция в своем развитии проходит ряд ступеней: зона свободной торговли; таможенный союз; общий рынок; экономический союз; политический союз. Уже на этапе экономического союза усиливается значение специальных надгосударственных управлен-

очередь усложняет и замедляет интеграционные процессы, а зачастую создает препятствия на этом пути. См: Босовец С.М. Правовое регулирование интеграции между Беларусью, Казахстаном, Россией и Украиной (к вопросу о соотношении ЕврАзЭС и ЕЭП) // Журнал международного права и международных отношений. 2009. – № 2. – http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1546&Itemid=215

² Укрепление тесных экономических отношений между разными странами, сращивание национальных экономик гасит возможность их политических конфликтов и позволяет вести единую политику в отношении других стран. Например, участие Германии и Франции в ЕС ликвидировало их политическое противостояние, длившееся со времен Тридцатилетней войны, и позволило им выступать «единым фронтом» против общих соперников (в 1950–1980-х – против СССР, с 1990-х – против США). См.: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/EKONOMICHESKAYA_INTEGRATSIY.html

ческих структур (типа Европарламента в ЕС), способных не только координировать экономические действия правительств, но и принимать оперативные решения от имени всего блока. До этого уровня экономической интеграции дошел пока только ЕС. По мере развития экономического союза в странах могут сложиться предпосылки для высшей ступени региональной интеграции – политического союза. Речь идет о превращении единого рыночного пространства в целостный хозяйственно-политический организм. При переходе от экономического союза к политическому возникает новый многонациональный субъект мирохозяйственных и международных политических отношений, который выступает с позиции, выражающей интересы и политическую волю всех участников этих союзов. Пока нет ни одного регионального экономического блока столь высокого уровня развития, но ближе всего к нему подошел ЕС¹.

Как указывает Е. Гриненко, эволюционное развитие Европейских Сообществ, а ныне – Европейского Союза наглядно демонстрирует пример того, какие изменения могут произойти в организации, которая была создана для реализации конкретной группы интересов нескольких государств в конкретной (экономической) сфере и которая в течении нескольких десятилетий приобрела признаки государственноподобного образования, где вместо сугубо экономической сферы интересов первоочередными становятся политические взаимоотношения государств-членов ЕС между собой, а также с другими государствами². И далее автор указывает, что сам Европейский Союз является особым образованием, которое уже прошло путь от межправительственной организации, однако еще не приобрело статуса государства и пребывает в стадии государственноподобного образования³. Возникает закономерный вопрос – развитие Европейского Союза происходит в сторону государства, или же в направлении нового вида, определяемого как «государственноподобное образование». Причем для нас представляют интерес мнения ученых, высказанные в последние годы. Так, по мнению М.Н. Микиевича, Европейский Союз – это исключительное образование (*sui generis*), которое невозможно описать в традиционных категориях национального и международного права⁴.

Подтверждением особого статуса Европейского Союза является его международная субъектность. Указывают, что Европейский Союз «произ-

¹ http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/EKONOMICHESKAYA_INTEGRATSIA.html

² Гриненко О. Правова регламентація зовнішніх зносин Європейського Союзу / Олександр Задорожньому – 50 : статті та есе учнів і колег. – Одеса : Фенікс, 2010. – С. 444.

³ Гриненко О. Правова регламентація зовнішніх зносин Європейського Союзу // Олександр Задорожньому – 50 : статті та есе учнів і колег. – Одеса : Фенікс, 2010. – С. 450.

⁴ Микиевич, М.М. Інституційне право Європейського Союзу у сфері зовнішньої політики та безпеки : монографія / М.М. Микиевич. – Л., 2005. – С. 58.

водный субъект международного права»; «специфичный субъект международного права»¹.

На наш взгляд, Европейский Союз эволюционирует в квазигосударство при сохранении суверенитета (в ограниченном объеме) входящих в его состав государств. Эти тенденции явно проявляются в институциональной трансформации ЕС, которая началась с принятия Маастрихтского договора 1992 г., неудачной попытки ратификации Конституционного договора в 2004 г., и привела к подписанию в Лиссабоне обновленной редакции Договора об Европейском Союзе и Договора об учреждении Европейского сообщества (переименованного в Договор о функционировании Европейского Союза). Лиссабонский договор предусматривает: эволюцию Европарламента от совещательного органа до полноправного участника законодательного процесса в ЕС; введение должности постоянного главы Европейского Совета, что усиливает функцию общего политического направления и координации деятельности ЕС, открывает новые возможности для ведения эффективной внешней политики на международной арене; слияние должностей высокого представителя по общей внешней политике и политике безопасности и комиссара по вопросам внешних сношений будут способствовать становлению ЕС как самостоятельного и влиятельного актора международных отношений, реализации «европейского измерения дипломатии» и более тесной координации внешней политики государств-членов; создание Европейского оборонительного агентства; создание общего европейского режима предоставления убежища, становление интегрированной системы управления внешними границами ЕС². А ведь являясь первым полноценным интеграционным образованием, Европейский Союз станет примером для построения интеграционной структуры в других интеграционных образованиях.

8. По нашему мнению, в среднесрочной перспективе экономические интеграционные объединения государств, при наличии общих ценностей станут центрами интеграционных образований по примеру Европейского Союза³. Фактически эти общие ценности являются фактором цивилизационного обособления, а институциональным ядром станет наиболее развитое интеграционно-цивилизационное образование. Таким образом, при

¹ Гріненко О. Права регламентація зовнішніх зносин Європейського Союзу // Олександр Задорожньому – 50 : статті та есе учнів і колег. – Одеса : Фенікс, 2010. – С. 451, 460.

² Посельский В. Европейский Союз после ратификации Лиссабонского договора // Зеркало недели. – № 38-39 (766-767) от 10 октября 2009 г.

³ Западноевропейская интеграция опиралась на близкие культурные и религиозные традиции. Немалую роль в ее возникновении сыграли идеи единой Европы. Важное значение имели и итоги Первой и Второй мировых войн. Наконец, существенную роль сыграли и геополитические факторы – военно-политическое противостояние с СССР и экономическая конкуренция с США. Этот комплекс культурно-политических предпосылок уникален, однако наличие иных факторов (религиозных, культурных, военных, ресурсных) может способствовать переходу экономической интеграции в политическую и в других регионах.

формальном сохранении суверенитета государств (а это имеет важное значение для общественного сознания и сохранения власти правящей элиты) такая система в достаточной степени устраняет основные очаги напряжения и отражает существующие тенденции.

В пределах интеграционно-цивилизационного образования внутренними средствами нивелируются проявления «цивилизационного экстремизма» со стороны отдельных государств, а разногласия между цивилизациями разрешаются в институализированном цивилизационном диалоге.

9. Возникает вопрос о пределах интеграции государств, и соответственно, о пределах утраты суверенитета, поскольку суверенитет – основа современного международного права¹, и естественно, что его сущностные изменения (права) обусловлены сменой акцентов в отношении суверенитета. Причем, в данном контексте, по нашему мнению, следует придерживаться сущностного (триединого) подхода к содержанию суверенитета (следует отметить, далеко не всеми разделяемого): во-первых, суверенитет как внутреннее понятие есть высший политический авторитет как таковой; во-вторых, суверенитет в международных отношениях означает государственную самостоятельность в качестве субъекта внешней политики; в-третьих, суверенитет есть совокупность международных легально существующих свобод, которыми обладает государство в определенный момент времени².

Именно в третьем смысле может идти речь о дискретности суверенитета. В первом и во втором суверенитет неделим. В третьем смысле суверенитет – «изменчивый остаток» тех изначальных легальных свобод, с которыми государство не рассталось бы в каком-то другом случае³. Речь идет о случаях, когда суверенитет государства сокращается каждый раз, когда на государство **возлагаются** (выделено нами – Т.К.) новые обязательства⁴. Однако, в большинстве случаев государство само **принимает** на себя международно-правовые обязательства, включая те из них, которые связаны со вступлением в интеграционные образования. На наш взгляд, речь в третьем случае

¹ Как указывает Kegley и Wittkopf, «суверенитет и проистекающие из него правовые принципы формируют и поддерживают международную анархию» / Kegley C.W., Wittkopf E.R. *World Politics: Trend and Transformations*, 7th edn. Houndmills-Basingstoke, 1999. P. 507. Цит. по: Мусихин Г.И. Концептуальная неоднозначность понятия суверенитет (сравнительный анализ взглядов Карла Шмитта и Ганса Кельзена) // *Общественные науки и современность*. № 3. – 2009. – С. 73.

² Мусихин Г.И. Концептуальная неоднозначность понятия суверенитет (сравнительный анализ взглядов Карла Шмитта и Ганса Кельзена) // *Общественные науки и современность*. № 3. – 2009. – С. 64-65.

³ Manning C.A.W. *The Legal Framework in a World of Change* // *The Aberystwyth Papers: International Politics 1919-1969*. London, 1972. p. 308. Цит. по: Мусихин Г.И. Концептуальная неоднозначность понятия суверенитет (сравнительный анализ взглядов Карла Шмитта и Ганса Кельзена) // *Общественные науки и современность*. № 3. – 2009. – С. 65.

⁴ Мусихин Г.И. Концептуальная неоднозначность понятия суверенитет (сравнительный анализ взглядов Карла Шмитта и Ганса Кельзена) // *Общественные науки и современность*. № 3. – 2009. – С. 65.

должна идти, прежде всего, о дискретности, изменчивости суверенитета, прежде всего, относительно принятия государством международно-правовых обязательств. На наш взгляд, в этой связи уместно процитировать Г. Кельзена: «На вопрос, как далеко может зайти ограничение суверенитета суверенного государства признанным им международным правом, можно ответить только на основе содержания международного права, поскольку из самого понятия суверенитета такой ответ не выводится. Однако, позитивное международное право не определяет крайнего предела для ограничения государственного суверенитета как свободы действий государства»¹.

Триединый подход к суверенитету позволяет объяснить феномен интеграционных образований, и, прежде всего, Европейского Союза, когда при сохранении внутреннего и внешнего² суверенитета каждого из входящих в Союз государств имеет место делегирование ЕС определенных надгосударственных полномочий и наделение его международной правосубъектностью.

Поэтому мы не вполне согласны с мнением Г. Кельзена о том, что с помощью международно-правового договора можно создать настолько централизованную международную организацию (хотя речь идет о международной организации, мы допускаем возможность применения данного постулата к Европейскому Союзу – Т.К.), что она сама приобретет характер государства, а государства-участники договора, которые стали членами новосозданной организации, утратят свой характер государств³. На примере Лиссабонского договора можно говорить о возможности создания надгосударственной и достаточно централизованной структуры, каковой является Европейский Союз (его статус международной организации все более и более оспорим, хотя ряд ученых придерживается и такой точки зрения)⁴ при сохранении суверенитета, но, естественно, утрате определенных признаков государства государствами-членами. Такой подход несколько противоречит традиционному подходу государство/надгосударственное образование, но, на наш взгляд, в эпоху глобализации следует говорить о новой концепции суверенитета⁵ и, возможно, государства.

¹ Кельзен, Ганс. Чисте Правознавство : 3 дод.: Пробл. справедливості / Пер. з нім. О. Мокровольського. – К.: Юніверс, 2004. – С. 366.

² Каждое из входящих в ЕС государств сохраняет международную правосубъектность, которая основана на наличии у государства суверенитета.

³ Кельзен, Ганс. Чисте Правознавство : 3 дод.: Пробл. справедливості / Пер. з нім. О. Мокровольського. – К.: Юніверс, 2004. – С. 367.

⁴ Об анализе различных взглядов на правовую природу Европейского Союза см.: Гриненко О. Правова регламентація зовнішніх зносин Європейського Союзу // Олександр Задорожньому – 50 : статті та есе учнів і колег. – Одеса : Фенікс, 2010. – С. 445-450.

⁵ Как указывает профессор Г.И. Мусихин, космополитическая критика рассматривает государственный суверенитет как исключаящий по своей природе, подразумевая, что систематическая международная интеграция и суверенный статус государств в принципе несовместимы и чем-то так или иначе придется пожертвовать. Мусихин Г.И. Концептуальная

10. Возникает вопрос о судьбе права, как национального, так и международного. Вернемся к видам правовых систем¹. Обычно выделяют внутригосударственные правовые системы, международную правовую систему и, на примере Европейского Союза², интеграционную правовую систему, изначально относившуюся к международной на первом этапе возникновения и развития Европейских Сообществ, но затем обособившуюся в качестве самостоятельной³. Количество интеграционных правовых систем имеет тенденцию к росту. Соответственно, отношения внутри интеграционной правовой системы будут регулироваться правом этого образования (по аналогии отношений между государствами ЕС). Конфликты внутри интеграционного образования будут сведены к минимуму⁴.

Внутригосударственные правовые системы, несомненно, сохранятся, но в пределах, ограниченных интеграционным правом. Что касается международного права, то оно в большей степени будет регулировать отношения между интеграционными образованиями, а поскольку последние обладают тенденцией к объединению на основе цивилизационного подхода, то фактически новое международное право будет регулировать отношения между цивилизациями, и, как уже отмечалось, станет межцивилизационным.

неоднозначность понятия суверенитет (сравнительный анализ взглядов Карла Шмитта и Ганса Кельзена) // *Общественные науки и современность*. № 3. – 2009. – С. 73.

² См.: Короткий Т.Р. Співвідношення понять «правова система» та «система права» щодо міжнародного права // *Актуальні проблеми держави і права: Зб. наук. праць*. – Одеса: Юридична література, 2007. – Вип. 36. – С. 479-487.

³ В решении Суда Сообществ в деле 6/64 *Costa v. ENEL* (1964) Суд заявил: «В отличие от обычных международных договоров, Договор об учреждении ЕЭС создал свою собственную систему права, которая после вступления в силу Договора стала интегрированной частью систем права государств-членов и которую их суды обязаны применять»

⁴ Е. Гриненко указывает на прямое действие в государствах-членах законодательства Союза. Гриненко О. *Правова регламентація зовнішніх зносин Європейського Союзу* // Олександр Задорожньому – 50 : статті та есе учнів і колег. – Одеса : Фенікс, 2010. – С. 448;

5 С.П. Хантингтон постулирует правило воздержания, заключающееся в том, что сердцевинные государства должны воздерживаться от вмешательства в конфликты внутри других цивилизаций, – первое необходимое условие для поддержания мира в межцивилизационном, мультиполярном мире. Как видно из ситуации в ЕС, возможность конфликта внутри интеграционного образования практически сведена к минимуму.